

ДЕТИ АНТАРКТИДЫ

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ЧАСТЬ I

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДАНИИЛ КОРНАКОВ

18+

Даниил Корнаков
Дети Антарктиды.
Возвращение. Часть I
Серия «Дети Антарктиды», книга 5

*<https://litres.ru/72077542>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Первая часть заключительной книги цикла "Дети Антарктиды".

После лета, проведенного в суровых просторах Шпицбергена, герои отправляются обратно в Антарктиду — туда, где когда-то начался их долгий путь. Но дорога к дому оказывается опаснее, чем они могли представить.

Ледяные пустоши таят скрытые угрозы, а старые враги напоминают о себе. Каждый шаг дается ценой тяжелых потерь, и не все из героев дойдут до конца.

Содержание

Пролог	4
Дневник Арины Крюгер	11
Глава 1. Всякого рода неприятности	15
Г	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дети Антарктиды. Возвращение. Часть I

Пролог

— Воды отошли? — Эрик шёл по коридору, потирая за-
спанные глаза.

— Да, — ответила Маша.

— Полотенца, губка, тазик?

— Всё приготовили.

— Чистая вода?

— Послала за ней Матвея.

— Отлично.

Эрик с Машей ускорились. Эхо их шагов разносилось
вдоль тесного коридора.

Они подошли к Надиной каюте, одновременно сделали
глубокий вдох и открыли дверь. За порогом их накрыла
нестерпимая, до жжения в глазах духота, заставившая обоих
поморщиться.

Роженица металась по койке, словно её бросили на рас-
калённую сковородку. Кожа лоснилась от пота, на лице про-
легли глубокие морщины. Надя протяжно стонала и ругалась
матом.

На краю койки сидела Арина. Одной рукой она крепко

сжимала пальцы Нади, второй гладила её по сальным волосам.

— Чего здесь такая парилка? — возмутился Эрик.

— Юдичев отключил вентиляцию, бережёт энергию, — объяснила Маша.

— Ну так пусть включит! — рявкнул Эрик. — Сейчас не до экономии.

— Я займусь этим, — ответила Арина и вышла из каюты.

Эрик склонился над кроватью и коснулся Надиного лба.

— Жара нет, это хорошо. Как ты себя чувствуешь?

— А что, по мне незаметно? — процедила Надя сквозь стиснутые зубы. — Хреново мне! Вот-вот сдохну!

— Ну-ну, вот так говорить не надо.

— Буду говорить, пока эта чёртова боль не пройдёт! — Её лицо исказила судорога. — Просто скажи мне, ты правда в этом разбираешься? Как принимать роды?

— Да, принимал много у нас, в Лонгйире. — Эрик начал аккуратно раскладывать на прикрученной к полу тумбочке тряпицы, придирчиво проверяя каждую на чистоту.

В каюту вошёл Матвей с ведром в руках.

— Я принёс воду. — Он мельком глянул на Надю и быстро отвёл взгляд, словно опасаясь смутить её.

— Прокипятит как следует?

— Да.

— Хорошо, ставь сюда.

Матвей приткнул ведро возле кровати и встретился взгля-

дом с Надей.

— Как ты? — спросил он.

На её лице отразилась жуткая улыбка:

— Если меня сегодня ещё раз спросят, как я...

— Матвей, ты ступай, — спешно вставил Эрик. — Дальше мы с Машей справимся.

— Хорошо. — Матвей подошел к Наде и крепко стиснул ее руку: — Держись. Всё будет хорошо.

— Спасибо, — с усилием ответила она.

— Я буду за дверью, — дал знать Матвей.

Он вышел в коридор, прислонился к стене и медленно сполз по ней. Скоро к нему присоединилась Арина.

— Предупредила я Юдичева, скоро вентиляция должна заработать.

Матвей кивнул и протянул руку:

— Иди ко мне.

Арина села с ним на пол, тяжело вздохнула.

— Вот что я тебе скажу, Матвей. — Она подняла на него карие глаза. — Никогда не буду рожать.

Собиратель положил руку ей на плечо и прижал к себе. Она уткнулась носом ему в грудь.

— Может, пойдёшь обратно в койку? — тихо спросил он. — Я подежурю.

— Не хочу. Всё равно не засну, пока не удостоверюсь, что с малышом всё хорошо.

— Это может надолго затянуться.

— Знаю. — Она спрятала руки в рукава и прижала их к животу. — Помнишь Мишель, француженку с нашей станции? Так она вроде часов двенадцать свою двойню рожала. Я как услышала, так не поверила сперва, что так долго. Раньше думала, это намного быстрее происходит.

— Да, бывает по-разному. Порой и двух часов хватает.

Матвей покосился на ваттбраслет. Половина пятого утра.

— Надеюсь, с ней всё хорошо, с Мишель, — прошептала девушка и виновато добавила: — И с её малышами. Не помню, как она их назвала.

Матвей кивнул, без слов разделив её переживания.

— Нет уж, сто процентов никогда я не буду рожать, — сонно пробормотала Арина и все же задремала.

Когда из-за двери донеслись сдавленные крики, она вздрогнула и крепче к нему прижалась. Голос Эрика настойчиво советовал роженице дышать.

Пришел Лейгур.

— Как она?

У Матвея не нашлось для него ответа, и он лишь пожал плечами.

Лейгур озадаченно постоял с минуту, посмотрел на Матвея с Ариной.

— Пойду, что ли, стулья нам всем принесу, — задумчиво произнёс он, почесав затылок, и ушел.

Но Матвей стульев не дождался. Арина заразила его дремотой, и немногим погодя он тоже отключился. Его разбу-

дил голос Максима.

— Ну что, чудо рождения ещё не произошло? — Юдичев прислонился ухом к двери.

— Видел Тихона? — спросил в свою очередь Матвей, протирая глаза.

— Да. Оставил пацана дежурить в рубке. На всякий случай держим связь по рации. — Он похлопал по карману, откуда торчала чёрная антенна. — Весь день мне мозги плавит вопросами — хочет кораблём научиться управлять, видите ли.

Он придвинул один из стоящих рядом стульев — судя по всему, Лейгур всё же притащил их, пока они спали, — и сел.

— Сколько прошло-то? — Максим кивнул на дверь.

Матвей взглянул на часы ваттбраслета и обомлел. Он был готов поклясться, что с тех пор, как Эрик прогнал его в коридор, прикрыл глаза на минуту.

— Восемь часов, — ответил он.

— Восемь часов... Одуреть. — Максим шумно выдохнул. — И вы тут всё это время сидите? Может, хоть поедите?

При упоминании еды в животе заурчало, и Матвей было согласился, как вдруг из каюты донёсся крик:

— Нет! Нет! Господи!

У него сердце оборвалось. Арина вскинулась ото сна, двинув Матвея в челюсть затылком. Максим вскочил со стула, замешкался на мгновение у двери, но затем открыл её.

В каюте стоял тяжёлый запах пота. От разбросанных по

полу окровавленных полотенец тянуло металлическим духом.

Надя, лёжа на кровати, протягивала дрожащие руки к Эрику, державшему на ладонях крохотное синюшное тельце. Новорождённый не шевелился и, кажется, не дышал.

— Холодной воды мне, живо! — скомандовал Эрик.

— Я принесу, — бросил Максим и выбежал в коридор.

— Что с ним, Эрик? — умоляюще простонала Надя. — Скажи, что с ним всё хорошо, прошу тебя...

Эрик молчал. Большим пальцем он очистил губки младенца от слизи, затем сел на край койки и положил безжизненное тельце животом себе на бедро. Все замерли, наблюдая, как он легонько постукивает запястьем по спине малыша.

— Раз, два... — шептал он.

— Господи, умоляю тебя... — рыдала Надя, прижимая ладонь ко рту.

— ...три, четыре...

Ребёнок не шевелился.

— ...пять.

Эрик перевернул малыша лицом к себе — все увидели, что это мальчик. Тремя пальцами он осторожно надавил на маленькую грудь.

— Раз, два, три...

Крохотная ручка дёрнулась, потянулась к бородавтому лицу, и каюту огласил громкий младенческий плач.

Малыш беспомощно размахивал ручками, постепенно приходя в себя. Эрик склонил голову, вытирая тыльной стороной ладони капли пота со лба.

— Спасибо, спасибо... — всхлипывала Надя. — Можно мне его?

Эрик поднялся и бережно передал новорождённого матери. При виде крохотного создания у Матвея засвербело в носу.

— Йован, — измученным, но в то же время радостным голосом произнесла Надя, осторожно прижав сына к груди. — Так тебя зовут. Йован.

Дневник Арины Крюгер

Ничего не писала здесь с июня. Перечитала последнюю запись — про поединок Юдичева — и отчётливо ощутила, что с того времени минула вечность. А ведь за окном только октябрь.

Сейчас мы на пути домой, в Антарктиду. Шпицберген покинули две недели назад. Сначала несколько дней плыли до Кольского залива, затем по нему — к Мурманску. Город я не рассмотрела, поскольку мы задержались там всего на несколько часов. Собиратели с архипелага отвели нас к одному из складов и показали большой грузовик. Сперва он не завёлся, даже когда мы зарядили его, но механик покопался немного в двигателе, заменил несколько деталей, и эта громадина в конечном счёте тронулась с места.

Потом мы поехали на юг. Всю дорогу дежурили по очереди, наблюдая за показателями моего датчика, засекающего мерзляков. Даже несмотря на зелёный уровень опасности, который объявил Матвей прежде, чем мы сошли на берег, все ожидали появления мерзляков — в особенности Тени. Однако нам повезло, и до того самого завода частей для ветряков мы добрались без приключений.

Когда Эрик и его люди увидели сотни статоров и катушек, лежащих на конвейерных лентах, их радости не было предела. Выглядели они так, будто уже одержали победу в

войне с мерзляками.

Признаться честно, я совершенно не верю в затею Эрика перебросить людей с другого конца земли в Антарктиду. Прогрессисты ни за что не отдадут контейнеровоз чужаку, прибывшему невесть откуда, как бы Зотова ни пыталась убедить в обратном Эрика. А в первую очередь — себя.

На заводе мы задержались недолго и продолжили путь до Приморска. И вдруг встретили его — «Титан». Вездеход так и стоял, брошенный посреди дороги со всем тем оружием и запасами, которые нам не удалось взять с собой. Словно ждал, когда мы вернёмся.

Не зря Вадим Георгиевич нахваливал это чудо техники. «Титан», едва мы зарядили его, завёлся, как и не проставил больше семи месяцев. Это позволило нам отпустить людей Эрика обратно, а самим пересечь на вездеход. Когда его мотор загудел, я поймала себя на мысли, что техника порой надёжнее людей.

Эх, «Титан», как бы ты пригодился нам тогда, в лесу...

В город мы прибыли на следующее утро. Корабль Юдичева (старый козёл теперь требует называть его по имени, но хренушки ему) никуда не делся за прошедший год. (Написала глупость какую-то! Куда, интересно, подевалась бы ржавая посуда? Если только мерзляки вдруг научились бы управляться со штурвалом и угнали её).

В Приморске мы задержались на целых три дня. Лейгур и Юдичев пытались оживить двигатель, ну а нам оставалось

лишь молиться о холодной погоде.

На второй день мне удалось подстрелить кролика, пробежавшего через запорошённую снегом дорогу. Лейгур порезал тушку на мелкие куски и сварил. Получилось вкусно.

Когда двигатель наконец починили, мы двинулись обратно ровно тем путём, каким прибыли сюда — через Балтийское и Северное море. И только после того, как вышли в океан и оставили сушу позади, вздохнули с облегчением. Но ненадолго. Оставалось пройти через субэкваториальный пояс, надеясь не встретиться с Летунами.

К счастью, нас не ожидали никакие сюрпризы. Опасный участок в субэкваториальном поясе мы миновали без проблем — в полной тишине и в духоте. Чтобы не повторилось предыдущего раза, когда тварь проникла в каюту и чуть нас всех не убила, нам пришлось связать Тихона и заклеить ему рот скотчем.

Ладно, это я пошутила. Никто его не связывал и рот не заклеивал. В этот раз он вжался в угол и по строгому наказу Матвея сидел тихо, как мышь.

Теперь осталось преодолеть путь до Антарктиды. Если не ошибаюсь, сейчас мы проплываем где-то между

Пришлось прерваться на полуслове из-за Нади. Ни свет ни заря у неё начались схватки, а ближе к вечеру она родила малыша — мальчика. Все теперь её поздравляют, желают здоровья ей и младенцу.

Во время родов случилось нечто ужасное. Когда кроха появился на свет, он не дышал. Просто лежал — маленький, синий, страшно тихий.

Казалось, само время застыло. Но Эрик не растерялся. Он знал, что делать. Он прижал малыша к себе и делал непрямой массаж сердца (так он это назвал), пока крохотное тело не вздрогнуло.

Пока в нём не вспыхнула жизнь.

Позже Эрик рассказал: это была острая асфиксия. Вероятно, пуповина затянулась вокруг шеи прямо во время схваток и почти задушила ребёнка.

И когда я всё это прокручиваю в голове, я не могу не спросить:

Зачем?.. За что?..

Бог, природа, Вселенная — не знаю, как тебя звать и есть ли ты вообще. Но если ты слышишь — хоть раз, хоть сейчас, — скажи мне: почему?

Почему ты так жесток?.. Почему рвёшь жизнь на клочки ещё до того, как она успевает сделать свой первый вдох?

Признаться, я немного завидую решительности и стойкости ярла Эрика. Всё же не зря его избрали лидером на Шницбергене.

Надя назвала малыша Йованом. Я не одобряю её выбор, но пускай будет.

Удалось поддержать его на руках. Он выглядит таким хрупким и чудным...

Глава 1. Всякого рода неприятности

— Вот стукнет мелкому десять, обязательно научу его играть в покер, — решительно заявил Тихон, глядя на спящего малыша, которого покачивала на руках Надя.

— Почему именно десять? — любопытствовала Маша. Она сидела над наполненным морской водой тазиком и пыталась оттереть грязное пятно на воротнике кофты.

— Да не знаю, — развёл руками Тихон. — Меня в десять научили, вот и я его научу. Будем с ним обдирать до нитки всяких лохов, а прибыль делить пополам! Знаю я пару трюков...

— Нет уж, милый мой, — устало отозвалась Надя, — нечего подписывать его на свои карточные аферы. Да и вообще, ты там вроде собрался судном учиться управлять.

— Ну да. — Он виновато потупил взгляд. — Но только в пределах Ледышки. Хрена с два я ещё раз сунусь в Захваченные Земли!

Маленький Йован засопел, и его ручка слегка дрогнула во сне, словно выражая согласие.

— Давай потише, — шикнула Надя. — Я его весь день укачиваю, с трудом усыпила.

— Хорошо, — прошептал Тихон.

После некоторого молчания Надя поинтересовалась:

— Кстати, о Ледышке. Всё забываю спросить, как долго нам ещё до неё? Юдичев ничего тебе не говорил?

— Говорил! — чуть громче отозвался Тихон, но заметил укоряющий взгляд Нади и сразу перешёл обратно на шёпот. — Вчера мы прошли тридцатую параллель южной широты и взяли курс на восток.

— Погоди, восток? — Надя поморщилась. — Но разве мы не должны плыть на запад, в «Мак-Мердо»?

— Так планировалось изначально. — Маша сдалась в борьбе с пятном и бросила кофту в тазик. — Но я ещё раз поговорила с Матвеем и Лейгуром и переубедила обоих проложить курс к «Прогрессу». Сейчас в приоритете встретиться с дядей, организовать совет и решить, как нам заполучить «Копьё» обратно. Вызволение того американца может подождать.

— И почему я узнаю об этом только сейчас... — выдохнула Надя.

— Прости, — Маша села напротив и коснулась ручки младенца, — мы приняли это решение, когда ты отходила от родов и спала целыми днями. Да и не хотелось попусту тебя беспокоить.

— Ничего страшного, — прошептала Надя с полуулыбкой. — Откровенно говоря, это даже хорошо. Чем раньше Йован будет в безопасности, тем лучше. К тому же, — она улыбнулась Маше, — я чертовски соскучилась по дому.

— Я тоже, — с едва заметной горечью в голосе отозвалась та.

Прислонившись к фальшборту, Матвей наблюдал, как солнце не спеша прячется за горизонтом, заставляя поверхность воды гореть оранжевой рябью.

Приятная прохлада ласкала кожу. Шорох волн успокаивал, прогоняя тревожные мысли. За последние несколько дней они снова окутали его разум и грызли изнутри, как паразиты.

— Ты в порядке? — Голос Арины слышался словно издалека.

«Нет», — хотел ответить Матвей, но вместо этого произнёс:

— Да.

Сказанное упало в напряжённую тишину.

— Тебя что-то тревожит? — спросила Арина, приглядевшись к нему.

— Нет. С чего ты взяла?

— Да у тебя на лице написано. Ты словно мерзляка увидел и никому об этом не говоришь. — Она пихнула его локтем в ребра: — Ну а мне скажешь. Давай, выкладывай, что у тебя там?

Матвей тяжело вздохнул. Эх, Аринка, всё-то она поймёт, всё-то учует... Может, и впрямь ей всё рассказать? Кто зна-

ет, вдруг поможет?

— Переживаю из-за Дэна, — ответил он — и немедленно пожалел. Грудь ещё сильнее стиснуло паскудное чувство вины.

— Из-за того американца с «Мак-Мердо»?

— Да, из-за него самого.

Арина облокотилась на планширь, опустила подбородок на руки и перевела взгляд на закатное небо.

— Должно быть, он и правда тебе настолько дорог, — сказала она с мимолётной грустью в голосе.

— Мы с ним многое пережили, всего и не перечислишь. Вышли из стольких передраг... — Матвей горько ухмыльнулся: — Хватило бы на целый приключенческий роман.

— Но разве эта, как её... — На лбу его собеседницы собрались складки, пока она вспоминала. — Кейт. Та ирландка. Разве она не обещала сохранить ему жизнь тогда?

— Обещала, — с толикой неуверенности согласился Матвей. — Но даже если и сдержала это обещание, то Дэн сейчас явно не живёт, а, скорее, существует. Ты и сама прекрасно видела, что восставшие макмердовцы вытворяли с теми, кто служил прежнему мэру...

Арина отвела взгляд. Матвею не требовалось уметь читать мысли, чтобы узнать, что сейчас у неё на уме. Она точно вспоминала тех выроdkов, которые едва не надругались над ней.

— Вполне вероятно, Дэн уже мёртв. Но... — Матвей по-

пытался распутать клубок переживаний в голове и подобрать подходящие слова, чтобы понятнее объяснить: — Но я хочу либо убедиться в этом, либо, если он жив, прекратить его страдания и вытащить оттуда любой ценой. Я, хоть и против своей воли, но всё же предал его. Все муки, которые он испытывает сейчас, на моей совести.

Арина долго молчала, прежде чем ответить:

— Знаешь, не стоило тебе идти на поводу у Маши. Нужно было держать курс на «Мак-Мердо» и сделать по-твоему.

— Нет, — твёрдо произнёс Матвей, — здесь Маша всё же права. Сперва нам нужно плыть к «Прогрессу» и думать, как вернуть токсин.

Внутри зашептал мерзкий голосок: «А если Дэн нуждается в твоей помощи сейчас? Вдруг ему осталось совсем недолго и потраченное тобой на „Прогрессе“ время сыграет роковую роль?»

— По мне, так это «Копьё» может подождать. — Арина развернула и оперлась о планширь спиной.

— Эх, знать бы, существует ли до сих пор это «Копьё», — с сомнением пробормотал Матвей. — Может, Бурову и не удалось добраться до Антарктиды.

— Очень надеюсь, что удалось.

Матвей заметил, как веко её дрогнуло. Ей словно не было дела до «Копья» и будущего человечества — чего не скажешь о мести.

Максим задумчиво поглядывал на луну и всё никак не мог отделаться от мысли, что та похожа на гигантский пряник. В очередной раз подумав об этом, он страшно захотел есть, а живот лишь подпитал его желание протяжным урчанием.

— А что это за хреновина с кружком и стрелкой? — прозвучал у самого уха голос Тихона.

— Не хреновина, а гирокомпас. — Юдичев подошёл к столу, стал открывать ящики. — Нужен для определения точного курса.

— А какая разница между ним и обыкновенным компасом?

Максим не торопился отвечать. Сначала надо бы найти, чего пожевать. Он был уверен, что припрятал в одном из этих шкафов высушенную рыбёшку, прихваченную со Шпицбергена. Кушаешь такую — и ни костей, ни даже вкуса не ощущаешь, но зато убиваешь до омерзения противное чувство голода.

— Ты рыбу не брал? Мелкую такую? Сушёную?

Он обернулся к Тихону и заметил, как у того уши покраснели, а взгляд виновато скользнул по полу.

— Ты мою рыбку сожрал?!

— Да она лежала там без дела чёрт-те сколько! Вот я и схавал её. Чего добру пропадать?

— Ну едрить твою налево... — Пацана придушить хотелось.

— Я тебе новую поймаю! — попытался извиниться Тихон.

— Честное слово. Я умею рыбу сушить и засаливать.

— Не надо ничего ловить, малой. Ты лучше сбегай и принеси мне чего-нибудь из камбуза, а то уже кишки морским узлом вяжет.

— Ладно, ладно...

Тихон спрыгнул со стула, накинул куртку и вышел наружу, оставив Макса в столь приятной для сердца тишине и одиночестве. Этот шкет последние несколько недель был занозой в заднице. Ни минуты отдыха! Приспичило ему, видите ли, полезным для команды стать! Так прямо и заявил, когда они вошли в Северное море. И ведь не придумал ничего более полезного: кораблём ему, видите ли, управлять захотелось! Стрелял вопросами, как из пулемёта, — только успевай уворачиваться!

В душе, конечно, хотелось послать парнишку куда подальше, да только привязался он к нему малость. К тому же парень и впрямь не дурак, капитан из него может выйти толковый, если как следует понатащить. Ещё бы голова не шла кругом от его постоянного присутствия...

— Сейчас придёт, и поговорю с ним, — пообещал себе вслух Макс. — Составим типа расписание. Скажем, утром он может донимать меня расспросами, а вечером пускай сидит с закрытой пастью — а лучше и вовсе валит в каюты к остальным.

Он вернулся к штурвалу, коснулся его, почувствовал, как

тот дрожит, и довольно улыбнулся. Словами не выразить, до чего ему было приятно вновь управлять кораблём после стольких месяцев на суше. До Вторжения он и помыслить не мог, что станет капитаном. В приюте вообще редко задумываешься о будущем, а вместо того лелеешь надежду, что деньги как-нибудь сами упадут на голову. В целом так оно и произошло, да только сделало лишь хуже...

— Эх, «Туманчик» мой... — Юдичев погладил приборную панель. — Скучал я по тебе, страсть как скучал. Хорошо, дождался ты меня. Мы с тобой ещё вволю наплаваемся, даю тебе слово. Но дальше Антарктики я тебя больше не отправлю. Довольно с меня.

С него и впрямь хватило последнего приключения. Он дал себе зарок: никаких впредь собирателей, какую бы цену те ни давали. Пусть хоть целую электростанцию из пятисот ветряков ему отгрохают в качестве платы — ноги его больше не будет на Захваченных Землях.

Дверь сзади с грохотом открылась, впустив холодный воздух.

— Макс! — крикнул Тихон. Лицо парня было белое, как мел. — Там дым!

— Дым? — Сердце ушло в пятки. — Какой ещё к... матери дым?!

— В коридоре! Там всё в дыму, дышать нечем!

Юдичев подбежал к панели и нажал пару кнопок, выведя на сенсорный экран схему корабля. Чувство голода улетучи-

лось вмиг, когда он увидел красную мигающую точку в машинном отделении.

— Твою-то за ногу, долбаное корыто! — Макс пнул по нижней части панели, сетуя на несработавшие звуковые сигналы. — Пацан, живо тащи воды! Мы, сука, кажись, горим!

Он со скоростью молнии рванул к пожарной сигнализации и дёрнул за рычажок.

Трезвон выдернул Лейгура из дрёмы, и первые несколько секунд после пробуждения исландец пытался понять — это продолжение сна или реальность?

— Реальность, — пробормотал он, когда услышал за стеной плач ребёнка.

Наскоро влез в сапоги, выбежал в коридор — и ощутил отчётливый запах гари. Нехорошо. Очень плохо.

Дверь соседней каюты открылась, выпустив крик малыша. Маша вышла наружу — сон ещё не до конца покинул её лицо.

— Что происходит? — спросила она, снимая куртку с крючка. — У нас что, пожар?

— Не знаю, — ответил Лейгур, направляясь к лестнице. — Ступайте на всякий случай на палубу. Пойду к мостику, выясню, в чём дело.

Но до мостика он не дошёл. Горе-капитан этого корыта выскочил на него с выпученными зенками и красной, как по-

сле знатной попойки, физиономией.

— Живо за мной! Поможешь! — проорал он, пробегая мимо по коридору.

— Где горит? — поспешил за ним Лейгур.

— Машинное.

— Бёльвун! — сдержанно выругался исландец.

Из-под двери, ведущей в сердце корабля, валил густой едкий дым. Юдичев, матерясь, натянул на нос воротник кофты и дёрнул за ручку.

Откашливаясь и отгоняя дым рукой, он добрался до красного щитка, открыл его и вытянул длинный шланг.

Глаза заслезились, в горле запершило, но Лейгур сумел сквозь белую пелену разглядеть два красных огонька возле энергоприёмного модуля со вставленными батареями. Сам двигатель казался целым.

Исландец догадался, в чём проблема.

— Да погоди ты! — заорал он и резким движением остановил Юдичева, уже схватившегося за рукоятку запорного клапана на шланге.

— Подождать? Ты чего, детина, совсем...

— Глаза разуй! — Лейгур с трудом перебарывал рвущийся наружу кашель. — Там две батареи ещё целы. Если сейчас зальёшь их — угробишь!

— Зараза, а ты прав! — Максим отбросил шланг. — Тогда скорее вытаскиваем их!

Лейгур снял куртку и принялся сбивать пламя. Юдичев

тем временем подскочил к модулю, натянул рукава на кисти и стал извлекать уцелевшие батареи из приёмника. Добравшись до второй — и последней, — он обратился к Лейгуру:

— Готов?!

— Да!

Максим вытащил батарею из ячейки — и на борту наступила тьма. Она висела несколько долгих секунд, пока техническое помещение не озарил луч света, вырвавшийся из ваттбраслета.

Матвей появился в дверях и окликнул их, морщась из-за дыма:

— Эй, что происходит?!

— Туши! Туши остальное! — крикнул Максим собирателю. Его накрыл безудержный кашель. Одной рукой он прикрыл рот, а другой держал за ручки две батареи в пятнах сажи.

Матвей схватил лежавший на полу шланг и пустил струю морской воды на подбирающееся к двигателю пламя. Не прошло и минуты, как с пожаром было покончено.

Наутро весь экипаж собрался в кают-компании вокруг небольшого столика.

Лампочки не горели, поэтому приходилось довольствоваться солнечным светом, пробивающимся через окна. Сенсорные экраны были отключены, кроме основных. С мо-

мента пожара перешли на максимальную экономию электроэнергии.

— Короче, не буду тянуть кота за яйца и перейду сразу к плохой новости. — Юдичев обвёл тяжёлым взглядом присутствующих и опустил кулаки на стол, на котором разложил старые карты. — Оставшихся ватт до «Прогресса» нам не хватит.

— О боже... — прошептала Маша, медленно села на стул и спрятала лицо в ладонях.

Повисла тишина. Всем нужно было время, чтобы переварить сложившуюся ситуацию.

— Как этот пожар вообще случился? — нарушила тягостное молчание Надя.

— Не было особого пожара, — объяснил Максим и почесал макушку: — А насчёт возгорания я пока не уверен. Там надо копаться, выискивать причину, на это уйдёт время. Но, возможно, всему виной система охлаждения. Она вышла из строя, батарея сильно накалилась — ну и...

— А чего датчики дыма не сработали? — Лейгур стоял дальше всех, облокотившись о стену и сложив руки на груди.

— Оказались неисправны, — буркнул Юдичев, опустив взгляд в карты на столе.

— На этом паршивом корабле хоть что-нибудь может нормально работать?! — почти сорвалась на крик Маша.

— Эй, попридержи-ка свой язык, милочка. — Юдичев ткнул в неё пальцем. — И скажи спасибо, что я тебя вообще

взял на борт, а не оставил на том куске мха и лишайника на Севере. — Он обернулся к Эрику и быстро пробормотал: — Не в обиду, но Шпицберген оказался мне не по душе.

Эрик выдавил из себя неловкую улыбку.

— И попрошу не забывать, что этот корабль уже больше года не получал должного техобслуживания, — добавил капитан. — Здесь львиная доля деталей нуждается в замене. Чудо, что он вообще на ходу после стольких месяцев простоя.

— Да ладно, ладно! — Маша выставила перед собой ладони, принимая возражения. — Мы всё поняли.

В разговор вступил Матвей:

— Сколько батарей уцелело?

— Две, — ответил Юдичев. — Обе заряжены на полную.

— На какое расстояние их энергии должно хватить?

Капитан задумался:

— Примерно на две с половиной тысячи километров, не больше. Это при учёте, что мы не столкнёмся со льдами.

— Хорошо... — Матвей подошёл к Юдичеву и ударил пальцами по карте: — Можешь показать, где мы сейчас находимся?

Максим отошёл к панели управления, нажал на сенсорный экран и пробормотал появившиеся на нём координаты. Записал их в блокнот, вернулся к столу и спустя несколько секунд ткнул пальцем в один из синих квадратов.

— Здесь. Примерно посередине между южной оконечно-

стью Африки и Южной Америкой.

— Сколько отсюда до «Прогресса»?

Юдичев взял линейку и стал высчитывать.

— Порядка пяти с половиной тысяч километров. Это дней десять—двенадцать ходу, и то при благоприятных условиях. Но даже если эти условия действительно будут охренеть какие благоприятные, мы в лучшем случае сделаем чуть больше половины пути, после чего встрянем в океане между Африкой и Антарктикой — и тогда пиши пропало.

— А если мы отключим всё электричество на корабле и перенаправим его исключительно на двигатель?

Юдичев снова задумался, поглаживая бороду, но отвечать не спешил. Вместо него это сделал Лейгур:

— На такое большее расстояние точно не хватит, даже если пустить все остатки ватт в двигатели. Однако...

Лейгур подошёл к Матвею, взял карандаш и обратным его концом прочертил невидимую линию.

— Мы можем вернуться к нашему изначальному маршруту — до «Мак-Мердо». Энергии в батареях до него точно не хватит, но зато вполне можем доплыть до «Палмера», пополнить там запасы ватт и уже оттуда отправиться на «Прогресс».

— Эй, а это отличная идея! — Максим широко улыбнулся и хлопнул исландца по спине: — Как я сам не допёр? Я хорошо знаю тамошнего мэра, Энтони Ларсена. Он нам обязательно поможет.

— Поможет? — переспросил Матвей. — Это как же?

— Достанет нам батарей! Как же, блин, ещё?

Но Матвея продолжали грызть сомнения.

— И насколько хорошо ты его знаешь?

— Достаточно хорошо, чтобы он нам помог. Более того, этот сукин сын мне задолжал.

— Вот как? И он просто так отдаст тебе долг?

— Отдаст, отдаст, никуда не денется.

Но обращённые к нему лица говорили об обратном.

— Слушайте, — начал защищаться Юдичев, — он поможет, ясно? Тони, конечно, тип не особо приятный, но слово своё всегда держит. Он даст нам нужное количество ватт.

— Ну, будем надеяться, — произнёс Матвей. — Да и выбирать-то, собственно, не из чего.

— Поганая станция, — фыркнул Тихон, — и люди там — говно.

— О, это чистейшая правда, — подхватил Юдичев. — Там мерзавец на мерзавце сидит и мерзавцем погоняет. Но и хорошие люди там водятся.

— Я многое слышала про «Палмер», — Надя с недоверием посмотрела на красную метку на карте, показывающую расположение станции, — и не горю желанием появляться там с Йованом.

— Тебе и не надо будет! Посидишь на корабле, пока дядя Максим всё не разрулит. Я, может, даже мелкому куплю какую-нибудь игрушку или новую соску!

— А не свалит ли этот дядя Максим при первой же возможности? — скептически поинтересовалась Маша, заставив Юдичева закатить глаза. — Ты ещё в Москве все уши прожужжал этим «Палмером». Что-то мне подсказывает, что едва ты ступишь на территорию станции...

— До чего же сучье у тебя мнение обо мне, — прошипел Максим. — С тех пор прошло сколько? Десять месяцев? Может, многое поменялось.

— Вот уж не знаю. Не зря же говорят: горбатого могила исправит...

— Маш. — Матвей взглянул на неё с укором. — Довольно.

— Да и пошло оно к чёрту. — Она махнула рукой и направилась к выходу. — «Палмер» так «Палмер».

Дверь за ней громко захлопнулась, и для Матвея это стало сигналом обиды.

— Ох и не нравится мне эта затея, — сказала Надя, — но, видимо, другого выхода у нас и вправду нет. Пойду проверю, как там Йован.

Надя вышла вслед за Машей.

— Грёбанный цирк, — проворчал Юдичев и повернулся ко всем спиной, чтобы переложить курс на панели управления. — Могила исправит... Да катись ты...

Матвей наблюдал, как ненависть разливается по телу капитана. Кажется, тёркам между ним и Машей не суждено закончиться никогда — даже если завтра все мерзляки разом

сдохнут.

Эрик принялся расспрашивать Лейгура о «Палмере». Тихон уже стоял рядом с Максимом и молча наблюдал, какие кнопки тот нажимает.

— Вечно у неё все виноваты, — тихо проговорила Арина, — хотя сама хороша. Батареи потеряла ещё тогда, в Москве, а ведь мы могли с их помощью...

— Хватит, — оборвал её Матвей и сжал пальцами переносицу. Все эти скандалы буквально били по голове, вызывая тупую боль в затылке.

— Что «хватит»? Я говорю по факту. Не просри она в тот день батареи, мы...

— Я не об этом! — Матвей взглянул в её глаза, блестящие неприязнью.

Другие разговоры оборвались, все повернули головы в их сторону. Матвей взял Арину за запястье и силой вывел на палубу.

— Чего ты тащишь меня?! — Она вырвала руку.

— Давай, отвечай мне, — потребовал Матвей.

— Да что я должна тебе отвечать? — продолжила сопротивляться Арина.

Матвей осознавал, что она прекрасно его поняла. Ну, раз она и дальше пытается гнуть свою линию, так спросит её напрямую!

— Откуда у тебя столько злобы к Маше? Что она тебе такого сделала?

— Нет никакой злобы, — возразила Арина и повернулась к нему спиной.

— Нет, говоришь? Почему же тогда я то и дело наблюдаю, как ты рычишь на неё — ещё с тех пор, как мы оказались на Шпицбергене?

— Тебе показалось.

Она зашагала было прочь, но Матвей схватил её за плечо:

— Арина!

— Отвали!

Она стряхнула его ладонь и быстрым шагом направилась вниз по лестнице. Оставшемуся в одиночестве Матвеем страстно захотелось что-нибудь пнуть, чтобы выпустить накопившийся в рекордные сроки гнев, но он заставил себя ограничиться громким крепким словом.

Легче не стало.

Прошло несколько действительно холодных дней. Как и условились, всю систему отопления на корабле отключили, чтобы перенаправить энергию на работу двигателя. Исключение сделали лишь для каюты Нади и её малыша. Всем остальным пришлось обходились тёплой одеждой и самодельными лампами на китовом жиру.

Теперь разговоры сопровождали облачка пара изо рта и потирание озябших рук. Лица побледнели, носы шмыгали.

Все молились о том, чтобы поскорее добраться до «Пал-

мера».

Этой ночью Маша впервые за минувшие холодные дни сделала исключение и оголилась, сильно желая почувствовать тепло Матвея внутри себя. К тому же его объятия согревали лучше всяких курток и штанов, а горячее дыхание нежно ласкало уши и остальные части тела.

Секс помог отвлечься, забыть о крахе изначального плана попасть на «Прогресс». Но стоило жаркой волне удовольствия схлынуть, как в голову сразу вернулись тревожные размышления: «Что делать, когда мы достигнем „Палмера“? Как потом добираться до „Прогресса“? А если и попадем туда, то как...»

— Расскажи... — Голос Матвея коснулся её уха.

— О чём?

Матвей подпер голову рукой.

— Ты смотришь в потолок уже минут пять, почти не моргая. Ясное дело, думаешь о чём-то. Вот я и хочу знать...

— Ты все эти пять минут смотрел на меня и ничего не говорил?

— Ну да. Любовался твоей красотой.

— Подлиза.

Он ласково ущипнул её за плечо, она ответила тем же. Маше вдруг снова захотелось почувствовать его в себе, в очередной раз забыться, прогнать навязчивые мысли прочь, но те упорно сопротивлялись.

— Всё думаю, как нам вернуть «Копьё», — прошептала

она, положив голову ему на плечо. — Если Буров выжил и ему удалось добраться до «Звёздной» — понятия не имею, что нам делать...

— Ты знаешь что-нибудь об этой станции?

— Совсем немного. Сама я там не была, но вот папа посетил её однажды, лет пять назад. По его рассказам, живущие там люди считают себя... как бы так сказать... — Она поискала подходящее слово: — Исключительными. Они верят, что за ними — и только за ними — будущее всего человечества.

— Да, Буров рассказывал о чём-то подобном. Ещё он говорил про чистку от неудобных или невыгодных станции людей...

— Чистка — лишь верхушка айсберга. Уверена, в недрах станции у них целый склад шкафов с дюжинами скелетов внутри. Эти люди годами сидят и наращивают силу. А теперь представь, что будет, если им удастся синтезировать токсин...

При мысли об этом у неё внутри всё похолодело.

— Они обретут власть над всеми станциями Антарктиды, — продолжила Маша, — ведь в их руках будет мощнейшее оружие, позволяющее диктовать свои условия, и ни у кого не будет выбора, кроме как подчиниться, ведь на кону — возвращение на Большую землю. Такие люди, как они, не должны получать бразды правления, иначе мерзляки покажутся нам лёгкими неприятностями.

Матвей в задумчивости сел на край кровати.

— Но дело даже не в этом. — Маша уселась позади него, положила руки ему на плечи и уткнулась носом в лопатку. — Плевала я на их исключительность. Меня волнует лишь то, что бо́льшая часть звезданутых — мы их так звали на «Прогрессе» — имеют военную подготовку. Не знаю, сколько их там, но мне известно, что все они вооружены до зубов и не подпустят чужака даже к порогу станции.

— В таком случае нам нужна армия, — вдруг ответил Матвей. — Много людей, готовых взять станцию штурмом. Только вот...

— Где эту армию найти? — закончила Маша.

Матвей кивнул.

— Людей с «Прогресса» точно не хватит для штурма, — прикинула она вслух, — к тому же большинство наших жителей либо обыкновенные работяги, либо учёные. Я думала попросить помощи у китайцев с «Чжуншаня», у них много бойцов и хорошие отношения с нашей станцией, но чтобы те согласились, придётся рассказать им о существовании ток-сина. И если всё закончится нашей победой, церемониться они не станут и просто заберут его себе.

Матвей возразил:

— Ты не думаешь, что «Чжуншань» куда лучше «Звёздной»?

— Возможно... — нехотя согласилась Маша. — Но это несправедливо, Матвей. Прогрессисты — мои друзья и учё-

ные — сложили головы там, в Москве, пытаясь добраться до «Копья». *Мой отец умер, пытаясь спасти меня.* — Её голос сорвался, но она немного помолчала и продолжила: — Там же погиб твой лучший друг, а мы вместе пережили столько... — Дыхание вдруг перехватило от возникших перед глазами картин прошлого: мёртвые города, бесконечные леса, голод, холод и мерзляки, способные оказаться рядом в любой миг. — Токсин — заслуга «Прогресса» и «Востока», и ничья больше.

— Да, это так. — Матвей подвинулся к ней ближе, и Маша почувствовала горячее прикосновение его руки. — Но давай мыслить трезво: возможно, у нас не окажется вариантов и мы будем вынуждены обратиться за помощью к «Чжуншаню». Из двух зол выбирай меньшее.

Маша молчала. Как ни крути, Матвей был прав, хоть и выразить согласие совесть не позволяла.

— Осталось только выбраться из всей этой передраги и вернуться на «Прогресс», — прошептала Маша, чувствуя, как холод каюты постепенно начинает накрывать её. Затем мыслями она снова вернулась к настоящему, к следующему шагу на пути к основной цели и вспомнила, как хотела сообщить нечто важное своему возлюбленному.

— Матвей, ты не должен так слепо доверять Юдичеву.

Она почувствовала, как его спина напряглась от тяжёлого вздоха. Да, Маша снова подняла неприятную для него тему, но всё же должна была предупредить.

— Почему? — устало спросил Матвей. — Он обещал помочь, и не думаю...

— Такие, как он, неисправимы. — Маша посмотрела ему прямо в глаза: — Я знаю, о чём говорю, потому что лично видела, на что он способен. Ради спасения себя любимого он пойдёт на всё...

— Например?

— Например, на убийство.

— У него не было выбора, Маш. Либо норвежец прикончил бы его, либо...

— Я не о том случае с поединком. — Она постаралась придать голосу уверенности и продолжила: — Матвей, ещё прежде, чем вы нашли нас, он на моих глазах убил одного из сопровождавших нас солдат — Серёжу Левченко.

Матвей повернулся к ней:

— Убил?

— Да, одного из наших, с «Прогресса», совсем ещё юного. Левченко и остальные сопровождали нас в первой экспедиции, — вспоминала Маша. — Я рассказывала о нём, ещё когда мы встретились там, в московском метро. Тогда я не упомянула, как именно он погиб. Теперь вот рассказываю: Юдичев задушил его, потому что тот, видите ли, громко стонал от боли и привлекал мерзляков. Взял и просто закрыл ему рот ладонью, а второй рукой зажал нос. Парень задохнулся и даже слова вымолвить не успел. — Глаза её наполнились горячей влагой, и Маша резко отвернулась. — Я пы-

талась остановить его, но он...

Больше она не могла говорить — шею сковало странное удушье. И всё же она сдержала слёзы.

— Маш, — осторожно спросил Матвей, будто каждое слово было проводком, ведущим к бомбе, и если выбрать неверный... — может, так было нужно? Чтобы спасти тебя и...

— У него был выбор! — крикнула она. — Например, не убивать его, ясно? Он мог бы просто заткнуть ему рот! Оттащить в сторону, спрятать в другой комнате, сделать что угодно! Но этот ублюдок прикончил его. Выбрал самый простой путь.

Она буквально слышала, как в голове Матвея поднялся ураган, мешающий ему заговорить.

Маша не собиралась останавливаться:

— Ты думаешь, он хочет помочь нам? Как бы не так. Его заботит только он сам. И всё это время, почти весь этот год, он был с нами лишь потому, что без нас не выжил бы. Им движет исключительно стремление сохранить собственную шкуру. Максим Юдичев плевал на всех нас с высоченной горы.

— Не знаю, Маш. Может, он стал другим?

Маша издала вздох огорчения:

— Ничего он не изменился, Матвей. Ни на йоту.

Судно медленно пробивалось сквозь хрупкий панцирь од-

нолетнего льда. Корпус глухо стонал, раскалывая белое поле на звонкие осколки. Ветер дул с запада — капризный и резкий, он словно спешил расчистить путь, гоня перед собой льдины. Полыньи, чернеющие между белых просторов, манили — как ловушки и спасение одновременно.

Слева по борту, словно высеченные гигантским резцом, вздымались крутые скалы, увенчанными снежными шапками. По их склонам сползали языки ледников — синеватые, испещрённые трещинами, будто лицо древнего божества морщинами. Время от времени глыбы льда откалывались, падали в воду со взрывом брызг, и грохот разносился по заливу.

С самого утра ярл Эрик не мог оторвать взгляда от величественного зрелища. «Вот она, земля обетованная, — думал он. — Вот она, надежда для моего народа».

И всё же... неужели в этих землях и правда может существовать человек?

— Вижу полынью по левому борту, — передал наблюдающий за водами Лейгур Юдичеву по рации. — Держи курс двести пятнадцать, пройдем как по маслу.

— Ну, как ощущения? — спросил Матвей, подходя к бывшему ярлу.

— Как у человека, оказавшегося на другом конце Земли, — ответил он.

— Поверь, мы испытали то же самое, когда очутились на Шпицбергене.

— Я видел несколько небольших поселений на берегу этим утром, — перевел тему Эрик, — но не заметил ни одного человека. Лишь полуразрушенные жилые модули.

— Большинство этих станций давно заброшены.

— Но почему? Разве климат на полуострове не более мягкий, чем в сердце континента?

— Всё верно. Но, как тебе, возможно, известно, до Вторжения в Антарктиде добывали кобальт, залежи которого в основном находились в восточной части континента. Потому там и начали строить все эти огромные станции с долговечными ветряками. На полуострове остались лишь маленькие научные станции, оснащённые парочкой старых ветряков и хлипких модулей. Долго в таких не проживёшь.

— Беспощадная рука капитализма.

— Вроде того, — подтвердил Матвей. — Но вот «Палмер» в те времена не тронули, продолжая развивать. Уж не знаю, как так получилось, но уверен: если покопаться в архивах станции «Амундсен-Скотт», можно найти причину, побудившую их продолжать финансировать станцию, — какую-нибудь статейку там или заметку. Но лично я думаю, что американцы, прежде владевшие «Палмером», всё же выделяли бюджет для поддержания станции в расчёте превратить её в туристическое местечко вроде «Мак-Мердо».

— Но Вторжение внесло свои коррективы.

— Угу. На сегодняшний день это одна из самых густонаселённых станций на всем антарктическом полуострове. Спа-

сибо ветрякам, которые успели поставить наши предки до прибытия мерзляков.

К ним подошёл Лейгур.

— Нам повезло, — сказал он. — Лёд совсем как вата, проходуется легко. Обыкновенно в это время года он намного толще.

— Я тоже это заметил, — согласился Матвей, окинув задумчивым взглядом ледяную корку. — Как так вышло?

— Полагаю, причина в западном ветре. — Лейгур на несколько секунд отвлёкся, чтобы передать по радиации очередную команду. — Он отгоняет лёд от берега и образует полыньи. — Исландец указал на участок открытой воды, по которому плыло их судно. — Ну и чувствуется влияние аномально тёплой для октября погоды. Она тоже сыграла свою роль.

— Аномально тёплая, говоришь... — с сомнением проговорил Эрик и встретил обеспокоенный взгляд Матвея. Именно словосочетание «аномально тёплая» заставило его покинуть родной Шпицберген в поисках нового дома для своего народа.

— Так, держи курс... — Лейгур внезапно замолчал, прищурившись. Его рука с рацией медленно опустилась. Но затем он быстро поднял устройство ко рту: — Я вижу судно.

Эрик и Матвей проследили взгляд исландца и заметили, как из-за переливающегося синевой айсберга выплывает небольшой траулер — приземистый и угловатый. Его корпус, матово-чёрный, сливался с водой, а на носу, чуть выше

ватерлинии, был символ: две грубые линии белой краской, сплетённые в изображение птицы.

— Проклятье, — пробормотал Лейгур.

— Кто эти люди? — Эрик вдруг почувствовал полную беспомощность — впервые с того дня, как покинул берега Шпицбергена.

— Ещё одна причина, почему местные покинули все станции в окрúге и свалили на «Палмер», — мрачным голосом сообщил исландец. — Пираты из Братства.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.